

**Управление культуры мэрии города Ярославля
Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная система детских библиотек г. Ярославля»
Центральная детская библиотека им. Ярослава Мудрого**

**МАТЕРИАЛЫ VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

**ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ.
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ,
СОХРАНЕНИЯ
И ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ**

**Ярославль
2017**

УДК 94(47).026

ББК 63.3(2)41

Я 76

Редакционная коллегия:

Труфанова Т. А. (ответственный за выпуск)

Данилова М. Д. (ответственный редактор)

Марасанова В. М. (научный редактор)

Шарапова И. Б. (редактор)

Я 76 Ярослав Мудрый. Проблемы изучения, сохранения и интерпретации историко-культурного наследия : сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, Ярославль, 20–21 февраля 2017 г. / Управление культуры мэрии г. Ярославля, МУК «Централизованная система детских библиотек г. Ярославля», Центральная детская библиотека им. Ярослава Мудрого. – Ярославль : Канцлер, 2017. – 322 с. : ил.

Сборник включает 44 доклада – ученых и практиков из городов Республики Беларусь, Украины, Сербии, Российской Федерации. В центре внимания участников конференции – эпоха Ярослава Мудрого, выдающиеся подвижники Русской Православной Церкви, историческое краеведение, сохранение историко-культурного наследия, туристические маршруты по историческим местам, музейные и библиотечные коллекции.

Материалы конференции предназначены для ученых, сотрудников музеев, библиотек, архивов, представителей вузовского и среднего образования, а также для всех изучающих средневековую историю России и Русской Православной Церкви.

ФОНД РУССКИЙ МИР

Сборник материалов конференции издается на средства, выделенные в качестве гранта Фондом «РУССКИЙ МИР»

ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-91730-642-1

© Коллектив авторов, 2017

© МУК «Централизованная система детских библиотек г. Ярославля», 2017

© ООО «Канцлер», 2017

ИСТОКИ И ГЕНЕЗИС РУССКОГО ДВУГЛАВОГО ОРЛА

Кратко рассмотрен вопрос о происхождении образа «двуглавой птицы» в геральдическом аспекте. Определено, что образ двуглавой птицы на Руси в доваряжское время не был заимствован, будучи местным символом, восходящим к «неолитической раннеземледельческой религии» (VI тыс. до Р. Х.). Установлено, что образ двуглавой птицы символизировал Божественное происхождение монархической власти. Показано, что этот образ использовался в VI–X вв. отечественной княжеской династией Нискиничей. Символ был заимствован ранними Рюриковичами и использовался в виде «знаков Рюриковичей» в домонгольское время. Сделан вывод, что исключительно на русской почве двуглавый орел в качестве государственного герба был принят при В. К. Иоанне III в 1490-х гг.

Ключевые слова: герб, двуглавый орел, знаки Рюриковичей, символ власти, Русское государство, Божественное происхождение власти.

Изображение *двуглавого орла* последние пять веков является официальным символом русской государственности. Однако до настоящего времени ведется полемика вокруг вопроса: откуда было заимствовано это изображение? От Н. М. Карамзина (1766–1826) считается, что вхождение двуглавого орла в государственную символику произошло из-за женитьбы 12 ноября 1472 г. В. К. Иоанна III [1462–1505] (здесь и далее в квадратных скобках при имени указываются служебные сроки) на византийской царевне Зое (с 1465 – Софии) Палеолог (ок. 1440/1455–1503). Как считается, она привезла в подарок трон с изображением двуглавого орла с опущенными крыльями и коронами на обеих главах (родовая эмблема византийской династии Палеологов [1261–1453]). Допускается, что Иоанн III сразу начал широкое использование символа, т.к. последний удельный князь Тверской Михаил Борисович [1461–1485] до 1485 г. чеканил свои монеты с двуглавым орлом (с опущенными

крыльями, но без корон) именно *в подражание* московскому символу [26]. Государственным символом на великокняжеской печати продолжал оставаться *ездец* (вооруженный всадник с копьем, поражающий змия), тогда как в 1460-х гг. на печатях стояло изображение льва (символа Владимирского княжества), терзающего змею. Лишь в 1497 г. впервые, а в 1514 г. вторично двуглавый орел был изображен на государственной печати, став тем самым гербом.

Впервые в 1901 г. было показано, что в Византии двуглавый орел не имел геральдического значения, а был лишь орнаментальным украшением [18, с. 279 ; 36, с. 196 ; 43, с. 22 ; 49, с. 319–320 ; 54]. Ряд авторов показал, что этот символ широко использовался в Западной и Центральной Европе с конца XII в. [38, с. 195–222 ; 43, с. 21–31 ; 56, с. 120–122]. Самым ранним западноевропейским геральдическим использованием двуглавого орла является его изображение, помещенное на печать графства Саарверден графом Людвигом I [1166–1200] в 1180 г. [50, с. 20]. Затем этот символ использовал в личных гербах ряд знатных родов: 1) в Англии (XIII–XIV вв.); 2) во Франции (XIII в.); 3) Германии (с XIII в. до настоящего времени); 4) от немцев символ попал в Сербию и Далмацию (XIV в.) [28]. В Византии широкое орнаментальное использование двуглавого орла началось после ее крушения в 1205 г., в Никейской империи [28]. Причиной, по мнению С. П. Панасенко, явилось тесное сближение никейского императора Иоанна III Дуки Ватаца [1221–1254] с германским королем и императором Фридрихом II [1212–1250] на почве общих антипапистских настроений: никейский император мог заимствовать образ двуглавого орла в Германии, т.к. в 1244 г. германский император впервые официально использовал двуглавого орла на имперской печати. Цитируемый автор убедительно показал, что в Византии этот символ не был государственным, а употреблялся на тканях и в орнаментах. Официальными византийскими символами при Палеологах (1261–1453) были крест с четырьмя литерами «В» и монограмма Палеологов; только после окончательного крушения Византии в 1453 г. двуглавый орел проникает в личные гербы различных фамилий, отпочковавшихся от рода Палеологов [28].

В 1136 г. своим государственным гербом сделал *одноглавого орла* австрийский маркграф Леопольд IV [1136–1141]; его родной брат – германский король Конрад III [1138–1152] ввел этот символ в общегерманскую геральдику [57, с. 126]. *Двуглавый орел* с 1240-х до конца 1430-х гг. то появлялся, то исчезал на личных гербах германских королей и императоров. Ситуация изменилась при короле Альбрехте II [1438–1439]: в это время на германских печатях использовался только двуглавый орел. Новый король и император Фридрих III [1440–1493] использовал его на печатях и монетах с начала правления; при нем в 1483 г. было постулировано, что одноглавый орел символизирует Германию, а двуглавый орел – империю, т.е. «Священную Римскую империю германской нации». Так продолжалось и впоследствии (до упразднения империи в 1806 г.). Сын Фридриха III – Максимилиан I, будучи германским королем [1493–1519], использовал до 1508 г. только одноглавого орла, но став императором [1508–1519], сразу перешел к использованию двуглавого орла [28, с. 22].

Поскольку введение орла на государственную печать Русского государства состоялось лишь в 1497 г., а орла как *государственного символа* невозможно было взять из Византии, ряд авторов полагал, что Русь заимствовала эту геральдическую фигуру из Германии (с печати Фридриха III), чтобы «*стать наравне*» с Западной империей [18, с. 279 ; 23, с. 204 ; 47]. По этому вопросу высказался С. П. Панасенко: «*Великий князь Владимирский Василий II Темный посадил в тюрьму митрополита Московского Исидора (ум. 1463), за то, что тот подписал текст унии (с католической церковью). Такой же твердостью в вопросах веры отличался и его сын Иван III. Он отказался от короны, посланной римским папой, отказался от титула императора, предложенного римским (германским) посланцем Н. Поппелем в 1488 году. С 1493 по 1508 трон римского императора был свободен, но и этим привлекательным шансом великий князь не воспользовался. Если Иван III не захотел стать императором, то и герб императора ему был не нужен. Кроме того, патологическое преклонение перед иностранцами в России появилось*

только при Петре I. Любая попытка иноверца предложить или навязать московскому государю свой герб натолкнулась бы на твердое сопротивление боярской думы и могла закончиться бунтом... В интересующее нами время (то есть с 1493 по 1508 г.), когда Иван III реально мог заимствовать чужой символ, государственным гербом Священной Римской империи (Германии) был одноглавый орел... Добавим сюда значительные религиозные противоречия двух стран, а также традиционный «особый» путь развития Руси, и «германскую» версию можно похоронить рядом с «византийской» [28, с. 23–25].

Существует экзотическая версия о происхождении двуглавого орла на Руси из *Золотой Орды*. Мы не будем приводить здесь ссылки, поскольку все публикации на эту тему носят в лучшем случае публицистический, в худшем – идеологический характер: в большинстве они пытаются доказать, что Русь тождественна Орде, т.е. находятся в русле пресловутой «фоменковщины». Все сторонники этой версии приводят в ее доказательство нумизматические данные, свидетельствующие о чеканке двуглавых орлов как на русских, так и на ордынских монетах. Речь идет о чеканке на Руси так называемой *пулы* – медной разменной монеты. Чеканка пул с двуглавым орлом в Москве началась при Иоанне III в период между 1478 и 1505 гг.; одновременно подобные монеты чеканились в Великом Новгороде и Твери [6, № 408 ; 8, № 3138В ; 27, № 641–642]. Такие монеты уже чеканились при братьях В. К. Василии I Дмитриевиче [1389–1425] и князе Дмитровском Петре Дмитриевиче [1389–1428]. Петр был несовершеннолетним при вступлении на удельный трон, и монеты как московские, так и дмитровские (от имени брата) чеканил Василий I. На этих монетах еще не было орла, причем на московских монетах он так и не появился. Его чеканили на дмитровских монетах после 1411/1415 и до 1427/1428 гг. [13, с. 124 ; 14, № 40].

Такие же медные пулы чеканились в Орде. Изображения двуглавого орла присутствуют на них с конца XIII в. (монеты Ногая [1270–1300] и хана Тохты [1291–1312]) до конца XIV в. (монеты

ханов Узбека [1313–1341], Джанибека [1342–1357], Тохтамыша [1380–1395]) [20, с. 3–4 ; 44]. Этих ордынских орлов некоторые авторы полагают предтечей орлов русских пул и предшественниками русского герба. Общепринятого объяснения наличия в Орде изображений двуглавого орла нет. Существует ряд предположений, отличающихся той или иной степенью обоснованности. Известно, что в списке клановых атрибутов Чингис-хана наличествует «*ике баиш кара кош*», что переводится интерпретатором как «*черная двуглавая птица*» и отождествляется с двуглавым орлом, как одним из родовых тотемов Чингиса-язычника [17]. Вторая версия допускает, что Орда заимствовала орла у Византии, ведь Ногай и Тохта были женаты на принцессах Палеологинях [52 ; 53]. Но византийские браки Чингисидов ни о чем не говорят, так как двуглавый орел в Византии не был геральдическим символом. Версия о родовом тотеме Чингисидов интересна, но в случае ее правоты двуглавого орла должен был использовать в личном гербе каждый Чингисид, а этого не наблюдается.

Наиболее интересной и, думается, верной является третья версия. Здесь прослежено, что ранние изображения двуглавого орла в мусульманском мире встречаются в XI в. на арабских тканях из Испании, затем – на дирхамах мусульманских родов тюркского происхождения Зангидов и Артукидов: монеты Имада ад-Дин Занги II ибн Маудуда, амира Синджара [1171–1197] (чеканились в 1184/1185, 1195/1196 гг.), его сына – Кутб ад-Дин Мухаммада, амира Синджара [1197–1219] (чеканились ок. 1209/1210 гг.), а также монеты Насир ад-Дин Махмуда, амира Кифаса [1200–1222] (чеканились до 1220/1221 гг.). В это же время двуглавые орлы наносятся на сооружения монументальной архитектуры сельджукского периода (крепость Диярбек (1208/1209), главная башня Икония (1220), мечеть в Эрзеруме (1250)). Показано, что у тюрков двуглавый орел не был геральдическим знаком, а символизировал (как страж 5-го из 7 небес) земную власть, дарованную Богом; именно в таком качестве Орда заимствовала двуглавого орла у Сельджукидов [55] (ср. с тем, что в Западной империи двуглавый орел символизировал только

императорскую власть, не имея отношения ни к Германии, ни к Риму). Эта версия подчеркивает, что двуглавый орел не был мусульманским символом. Также этот факт подтверждается тем, что он использовался в христианском мире: если бы он был мусульманским знаком, его использование христианами в эпоху крестовых походов было немыслимо. Невозможно было и его использование у мусульман, если это был христианский символ. Следовательно, вслед за С. П. Панасенко, следует признать, что двуглавый орел был символом чисто языческим.

Образ двуглавого орла использовался на Руси в домонгольское время. В архитектурном декоре он впервые появился в росписи южных «золотых» ворот суздальского собора Рождества Пресвятой Богородицы (1230-е гг.) [4, с. 200]. Он же использовался на декоративной плитке XII–XIII вв. в г. Василеве на Днестре [43, с. 23]. Его же на подвесках и наконечниках ножен меча наносили в X в. – раскопки в Гнездово (Смоленская обл.), Киеве и Белгороде-Киевском, поселении Крутик (Вологодская обл.) [37, с. 38].

Самым ярким свидетельством использования двуглавого орла на Руси именно в геральдическом аспекте являются так называемые «холмский» и «перемышльский» орлы. Речь идет о том, что Ипатьевская летопись под 1259 г. сообщает, что недалеко от города Холм (Юго-Западная Русь, Галичина): *«Стоит же столп поприща от город камен, а на нем орел камен изваян. Высота же камени десяти локоть, и с головами же и с подножьяками 12 локоть»* [16, с. 845]. Это было крупное сооружение для той эпохи: по разным источникам, древнерусский локоть варьировался в диапазоне от 38 до 54 см. То есть высота столба составляла от 3,8 м до 5,4 м, высота орла – от 76 см до 1,08 м; конструкция в целом была высотой от 4 до 6 м. В том, что на холмском столбе стояло изваяние именно *двуглавого орла*, историки не сомневаются уже с конца XIX в. [15, с. 4 ; 21, с. 514 ; 29, с. 467]. Тогда же было сформулировано мнение о том, что двуглавый орел был личным княжеским, либо государственным гербом Даниила Романовича (1203/1204–1264), князя Галицкого [1205–1206, 1211–1212, 1229–1231, 1233–1235, 1239–1264] и Волынского [1215–1229,

1231–1233, 1235–1238] [15, с. 4 ; 19, с. 154 ; 25, с. 4 ; 39, с. 6]. Это мнение подвергалось критике: от точки зрения, что летопись не уточняет количество голов орла [1], до предположения – так как у Романа Мстиславича, князя Волынского [1170–1188, 1188–1205] и Галицкого [1188, 1199–1205], некоторое время жил свергнутый византийский император Алексей III [1195–1203], то орел – герб византийского императора [31, с. 53]. Отдельную концепцию выстроил А. В. Майоров, придерживающийся мнения, что двуглавый орел на Руси мог быть заимствован только в Византии [21, с. 513–581 ; 51]. Согласно этой концепции, поскольку князь Роман был зятем византийского императора Исаака II [1185–1195, 1203–1204], то, *возможно*, Исаак наделил его титулом «архонта» или «игемона», а с ним даровал императорский «пурпур» с изображениями двуглавых орлов. Отсюда орел стал гербом «Галицко-Волынской земли». В последнее время начали появляться мнения, согласные с концепцией А. В. Майорова [46, с. 402–403].

По нашему мнению, А. В. Майоров неправ. Его концепция базируется на слове «*возможно*». То есть, *возможно*, что это было так, но доказать этого нельзя. Так, говорить о широком использовании двуглавых орлов в византийском декоре до 1260-х гг. нельзя. Кроме того, никакой символ князя Романа не мог стать символом «государства», названного А. В. Майоровым. Хорошо известно, что «Галицко-Волынского государства/княжества» никогда не существовало. Термин «Галицко-Волынская Русь» – кабинетный, искусственный, в XIII–XIV вв. не употреблявшийся; этот термин был выдуман в историографии XIX в. Галицкое и Волынское княжества существовали отдельно, но управлялись после 1199 г. нередко одними князьями или братьями. Если бы орел холмского столба, а тем более гипотетический орел князя Романа, были символами Галича или Владимира-Волынского, или личным гербом князя, они использовались бы в этих городах не только в XIII в., но и далее. Однако *двуглавый орел в виде памятника* известен для города Холм, а не для двух столичных городов юго-западных русских княжеств. Наконец, по сведениям историка Я. Длугоша (1415–1480), на знамени

полка Перемышльской земли в Грюнвальдской битве (15 июля 1410 г.) был изображен золотой двуглавый орел на лазурном фоне [48, с. 39]. Немецкий купец У. фон Рихенталь (около 1366 – около 1437) приблизительно в 1420 г. составил «Хронику Констанцкого собора» (1414–1418). Печатная «Хроника» Рихенталья была издана в 1483 г.: здесь был показан герб «*короля Галицши*» в виде коронованного щита с продольными голубыми полосами на белом фоне и двуглавым орлом; в рукописной редакции «Хроники», включенной в «Олендорфский кодекс» (1438–1450), упоминался «*князь Червонной Руси*» и его герб (разделенный надвое черно-белый щит с тремя крестами в верхней половине и двуглавым орлом в нижней). Когда «Хроника» Рихенталья была переиздана в 1536 г., став популярной, двуглавый орел стал восприниматься символом Червонной Руси [21, с. 519–522]. А. В. Майоров замечал: «*Изображение двуглавого орла под короной могло считаться официальным гербом Перемышльской земли в составе Польского королевства со времени образования Русского воеводства (ок. 1434 г.), в которое вошла Перемышльская земля. Именно такое изображение фиксируется в «Хронике» Мартина Бельского (1494–1575), написанной ок. 1550 г.*»; ранее, в «Статуте Великого коронного канцлера Яна Лаского» 1506 г., уже приводился именно такой герб Перемышльской земли [21, с. 522–524]. Самое раннее упоминание перемышльского герба в виде двуглавого орла приведено Длугошем в «Гербовнике Польского королевства» (1448) [21, с. 535].

«Холмский» и «перемышльский» орлы тождественны. Город Холм (совр. польский *Хелм*) был основан князем Даниилом на севере Перемышльской земли, поэтому «холмский столб» не был самостоятельным символом, а был символом Перемышля и Перемышльской земли, который существовал *задолго до* окончательного захвата в 1242 г. Галицкого княжества Даниилом. Это подрывает концепцию А. В. Майорова. В 1205–1245 гг. Галицкая земля (в состав которой входил Перемышль) была ареной ожесточенной гражданской войны, когда вся земля выступала против волынских князей Романовичей, детей князя Романа, незаконно

захватившего в 1199 г. галицкий престол. Ни в эпоху непрерывных войн, ни в правление в Галиче узурпатора Перемышль, который не был столицей самостоятельного княжества, получить свой герб не мог. Надо думать, что символ Перемышльское княжество могло иметь тогда, когда оно было именно княжеством. Оно было создано в 1084 г. как *старшее* или *столичное* княжество Юго-Западной Руси [41, с. 43]. Одновременно было создано Звенигородское княжество, в состав которого между 1127/1141 гг. вошло Теребовльское княжество (созданное в 1086 г.). В 1141 г. князь Перемышльский перенес столицу в г. Галич, а в 1144 г. в состав Галицкого княжества вошел Звенигород. Итак, двуглавый орел должен был стать символом Перемышля до 1141 г. Учитывая, что юго-западными русскими княжествами управляли с 1084/1086 гг. родные братья и их дети, можно думать, что этот символ появился в Перемышле уже при обретении им независимости, т.е. не позднее 1084 г.

Таким образом, мы можем отвергать любые предположения о заимствовании *русского двуглавого орла* как в Византии, в Орде, так и на Западе. Также мы можем говорить, что этот символ не использовался Рюриковичами в Юго-Западной Руси, т.к. этот факт не отложился ни в летописях, ни в декоре. Кроме того, двуглавый орел в принципе неизвестен как символ кого-либо из Рюриковичей. Нельзя говорить, что этот символ был *древнейшим* символом Перемышля как такового. Этот город был отвоеван русским В. К. Владимиром I [980–1015] у Польши в 981 г. Верно писал М. М. Волощук: «*Первостепенная принадлежность и происхождение названия Перемышля очевидно чешско-польское, а не «русское», имея связь с династией Пшемислидов (Пржемысловичей, чешской династии [872–1306] – В.Т.)»* [5, с. 102]. Данных о бытовании символа двуглавого орла в Чехии или Польше нет. Следовательно, он появился в Перемышле только на Руси, но вне связи с Рюриковичами.

Объяснить появление исследуемого символа в русском Перемышле можно, зная, кто реально управлял Юго-Западной Русью с конца XI в. Проведенное нами исследование позволяет говорить о следующем [41, с. 42–82]. У истоков местных княжеств стояли дети

Ростислава Владимировича, князя Ростовского [1052/1054–1057] и Волынского [1057–1061/1064]: Рюрик, Володарь и Василий. «Дядькой» (воспитателем) князя Ростислава был новгородский боярин Порей Остромирич (1020/1030-е – 1078), правнук первого исторического новгородского посадника, «дядьки» В. К. Владимира I, Добрыни Нискинича (935/936–997/1001), прототипа былинного Добрыни Никитича. Из-за реформ 1050-х гг. князь Ростислав оказался «изгоем», не имеющим прав на общегосударственный престол, поэтому он примкнул к оппозиции управлявшему Русью с 1054 г. триумvirату братьев Ярославичей. Гражданская война началась ок. 1061/1064 гг. Главой оппозиции был новгородский боярский род Нискиничей, потомков Добрыни. Прямо помогал князю Ростиславу, помимо Порея, боярин Вышеслав Остромирич (1020/30-е – после 1080-х), «дядька» старшего сына Ростислава – Рюрика, князя Волынского [1061/1064–1067, 1068–1069] и первого князя Перемышльского [1084–1092]. Война 1060-х гг. завершилась поражением оппозиции, но Нискиничи не понесли наказания из-за своих династических связей: 1) мать братьев Остромиричей была византийская принцесса Феофана (990/1010-е – после 1057), дочь В. К. Владимира I и византийской принцессы Анны (963–1011); 2) тетка братьев Остромиричей (сестра отца) была матерью венгерских королей Андраша I [1046–1060] и Белы I [1060–1063]; 3) дочь боярина Вышеслава была женой польского князя и короля Болеслава II [1058–1079]. Интригами боярина Вышеслава возникли в 1084 г. юго-западные княжества: он основал в Перемышльской земле боярскую династию, названную нами «галицкими Нискиничами» (из Перемышля Нискиничи перешли в Галич). Влияние Нискиничей на внутри- и внешнеполитическую жизнь Червонной Руси было всеобъемлющим: установившиеся здесь с 1080-х гг. порядки повторяли новгородские, когда не князья, а древний боярский род являлся фактическим правителем. Когда в 1199 г. мужская линия потомков Ростиславичей пресеклась, галицкий трон был узурпирован князем Волынским, с чем галицкие Нискиничи не примирились и повели борьбу за устранение князя Романа Волынского и его детей.

Этим обусловлена 40-летняя галицкая гражданская война, в ходе которой на короткое время галицкие Нискиничичи, свергнув Рюриковичей, успешно вокняжились сами [1213–1214, 1240–1241], основав собственную княжескую династию, которая продолжала вести войну до своей гибели в 1240/50-х гг. [41, с. 12–117].

Итак, мы полагаем, что перемышльский двуглавый орел мог появиться в качестве герба только от перемышльских Нискиничичей. Доказано, что новгородский боярин Евстафий Остромирич (1020/30-е – после 1094) носил почетный византийский титул «протопрюдр» [30, с. 123]. Можно допускать, что и его братья могли иметь византийские титулы, и все они могли иметь право на византийский пурпур с орлами. Но повторим, что изображение двуглавого орла в XI в. не было в ходу в Византии. То есть у русского двуглавого орла надо видеть местные корни. В этой связи важно обратить внимание на два аспекта. Во-первых, род Нискиничичей, как было нами показано [40, с. 75–118], происходил от последнего древлянского князя [ок. 944–945/946] Нискини/Мала. Древнейшим предком этого рода являлся верховный правитель *склавинов* (пражско-корчакская археологическая культура IV–VII вв.) Добрыня/Добрета (ок. 568/570), т.е. Нискиничичи были не просто русской родоплеменной знатью, а *древнейшей доваряжской русской правящей династией* [40, с. 118–124]. В войне с ними варяги Олега в 880-х гг. захватили киевский регион, а в середине 940-х гг. княгиня Ольга окончательно подавила сопротивление прежних законных отечественных правителей. Во-вторых, надо увидеть, что изображение двуглавого орла в X в. присуще именно древнейшей русской родоплеменной знати. Речь идет об известном погребении в кургане «Черная могила» под Черниговом. Курган создавался между 950–990 гг.; считается, что погребенный мужчина был князем [45]. Большинство авторов видят в нем славянина (черниговского князя), часть, основываясь на найденной в кургане статуэтке скандинавского божества Тора, полагают его скандинавом, частично ославянившимся. Детальный анализ погребальных материалов показал, что на их основе доказать, что покойный был именно черниговским князем, невозможно; погребенного можно

рассматривать и как местного воеводу-боярина, и как «родового старейшину» [12, с. 57]. В любом случае, погребальный материал говорит о том, что покойник при жизни отправлял многообразные функции, от военных и фискальных до жреческих. Это свидетельствует в пользу того, что он был славянином, так как древнеславянские и древнерусские доваряжские князья действительно выполняли одновременно с властными еще и жреческие функции.

В связи с последним важно обратить внимание на турий рог, являвшийся принадлежностью покойника. На серебряной оковке рога изображена в аллегорической форме целостная композиция некоего события (рис. 1). Изначально Б. А. Рыбаков пришел к выводу, что изображение является изложением сказки-мифа о смерти Кощея, связанной с былинной «Иван Годинович» [32, с. 45–50]. Суть былинны заключается в следующем [3, с. 419–426]. Кощей нападает на Ивана Годиновича и его нареченную невесту. Вступая в поединок с женихом, он почти проигрывает схватку, но из-за предательства невесты побеждает и привязывает героя к дереву. Сидящая на дереве вещая птица предрекает Ивану победу, а Кощей, пытаясь застрелить птицу, погибает от своей стрелы. Б. А. Рыбаков сначала трактовал композицию как *«эпическое сказание о победе черниговцев над кочевниками-печенегами, победе, сопровождавшейся, как всегда, отбитием русских полонянок»* [33, с. 47], а впоследствии, еще более абстрактно, как *«изображение древнего мифа о Персефоне и Аиде»* [34, с. 343].

Рис. 1. Изображение оковки турьего рога по Б. А. Рыбакову [34, с. 415]

Кощей – всегда отрицательный персонаж и царь царства «прикрай свету» на «стеклянных горах» [34, с. 321]. Все группы сказок о Кошее объединяет похищение им женщины, причем: *«Желания Кощея в этом отношении безграничны. Напротив, он стремится овладеть только одной женщиной, к которой сохраняет удивительное постоянство, привязанность»* [24, с. 195]. Все сказки, которые Б. А. Рыбаков делил на три группы по происхождению смерти Кощея («Смерть Кощея в яйце», «Смерть Кощея от коня», «Смерть Кощея от своей стрелы»), объединяет предопределенность гибели темного начала, *«участие сил более могущественных, чем Кощей»* [34, с. 318]. Обращаясь к былине «Иван Годинович», надо видеть, что во многих ее вариантах герой был братом Ильи Муромца и Добрыни Никитича [34, с. 325–326], а В. К. Владимир I для него – *«свет государь ты мой, дядюшка»* [3, с. 420].

Можно допустить, как мы это сделали раньше, что на оковке турьего рога был изображен рассказ-памфлет о политической ситуации на Руси в первой половине X в., т.е. борьба славян и варягов [42, с. 99–103]. Факт борьбы аллегорически изображен в виде грызущихся волков. Можно предположить, что в сказках о Кошее и в рассматриваемом изображении нашел отражение первый этап борьбы – правление князя-варяга Олега. Варяги на Руси были темной силой, сопоставимой с таким персонажем, каким был Кощей. Борьба Кощея с Иваном Годиновичем может быть отражением реального факта войны «государства Дира» (династии Нискиничей) с варяжской оккупацией. Тогда женщина, явившаяся предметом яростного спора, в аллегорическом смысле изображает Русь, Русскую землю. Здесь понятно былинное повествование о прельщении Кошеем невесты Ивана Годиновича [3, с. 423]: *«Ай же ты, Настасья Митриёвична! / Как за им ведь будешь жить, / Будешь слыть бабой простомывныя, / Будешь старому, малому кланяться, / Ай за мной ведь будешь жить, / Будешь слыть царицей вековечнойей, / Будет старый ведь малый те кланяться»*.

Интересен подтекст кошеевых слов: если Иван Годинович – родственник князя Владимира и Добрыни, т.е. сам является князем,

как могла Настасья, выйдя за него замуж, стать «*бабой простомывной*»? Здесь видно желание позднейших придворных летописцев выставить только Рюриковичей законной и единственной княжеской династией. Интересны и параллели сказочного царства Кощея «*прикрай свету*» на «*стеклянных горах*» (видимо, снежных?) со Скандинавией.

Возможно, что именно Олег олицетворял собою злого Кощея. Учитывая, что в летописи его смерти содействуют высшие силы, предрекая смерть, – это соотносится со сказками о Кошее, где «*смерть Кощея предопределена какой-то высшей волшебной силой, а герой является промежуточным звеном*» [34, с. 338]. Летописный рассказ смерти Олега от своего коня согласуется с группой сказок о гибели Кощея от коня. Как показано [35, с. 191], эти легенды стоят в связи с легендами о «*смерти от собственного меча*», т.е. это согласует смерть Олега также и со смертью Кощея от собственной стрелы. Интересно, что Б. А. Рыбаков, считая изображение на роге еще и отражением мифа о смене времен года, верхнюю окантовку связал со знаками сменяющихся месяцев. Действительно, считая слева направо, сюжет смерти Кощея приходится на три осенних месяца. Летопись же говорит, что именно осенью Олег «*помянул*» коня своего и погиб. Также осенью Игорь был казнен древлянами во время полюдья. Б. А. Рыбаков говорил, что изображение на оковке рога «*своей продуманной символичностью, широтой замысла и значимостью каждой детали, каждого намека свидетельствует о непосредственном участии в изготовлении этого «мифа на серебре» какого-то ученого волхва, знатока мифологии, сумевшего создать... целостную и многозначную композицию*» [34, с. 343]. Вспомним, что именно волхвы предсказали Олегу его смерть. Можно заметить, что говоря о родственных отношениях Ивана Годиновича с Добрыней, былина тем самым намекает на то, с какой именно земной силой (с Нискиничами) связывалась победа над варяжской партией.

Таким образом, в черниговском кургане был похоронен противник варяжской партии в государстве, бывший, исходя из размаха погребения, весьма важной фигурой в русском обществе при

жизни. Скорее всего, он принадлежал к роду Нискиничей; в нашей ранней работе мы допустили, что он мог быть самым князем Нискиней/Малом [42, с. 103], однако при текущем состоянии источников это предположение доказать невозможно.

Олицетворением Высшей силы на оковке рога являются грифонообразные чудища, а представителем этой силы есть «*черный вран*» [34, с. 331], присутствующий и в былинке, и на изображении. Фигура двух грифонообразных зверей, переплетенных растениями в единую композицию, представляет собой художественное изображение двуглавой птицы. Возвышающийся над головами грифонов цветок хмеля можно уподобить короне над головами двуглавого орла. Видимо, схематическим изображением двуглавой птицы были «знаки Рюриковичей» (ЗР), т.е. прорисованные на подвесках, монетах, печатах, пломбах, предметах воинского снаряжения и вооружения и др. знаки в виде двузубцев и трезубцев. Литература, посвященная ЗР обширна, однако С. В. Белецкий, признанный специалист в этом вопросе, посвятил ему специальный обзор [2]. Название ЗР произошло из того, что они были присущи каждому князю Рюриковичу в домонгольский период. Этот знак был геральдическим для домонгольских Рюриковичей, но был не государственным, а личным княжеским символом: каждый знак отличался от иного специальным *отпятнышем*. В настоящее время каждому из упомянутых летописью князей, включая мифического Рюрика, присваиваются те или иные ЗР. Знаки были *символами княжеской власти*; до конца 980-х гг. на монетах прорисовывались только двузубцы [2, с. 431–436]. Уточняется, что двузубец до конца 980-х гг. не был родовым знаком, но *символом Великого Князя – верховного правителя, главы княжеского рода* [22, с. 180–181]. К трезубцу В. К. Владимир I перешел после крещения Руси, но В. К. Владимир II Мономах [1113–1125] вновь возвращается к двузубцу, а с конца XII в. и до монгольского нашествия наблюдается преобладание двузубцев над трезубцами [2, с. 455–456].

По Белецкому, в знаковых системах VIII–IX вв. Скандинавии и Западной Европы двузубец не использовался, т.е. этот символ не был

привнесен на Русь варягами, а был местным символом [2, с. 457–458]. Следовательно, у восточных славян этот символ бытовал задолго до VIII в., т.е. как минимум в последнюю эпоху общеславянского единства (в эпоху пражско-корчакской культуры). Вспомним, что обнаруженный нами первопродок доваряжской русской династии жил именно в эту эпоху. Важно отметить, что на найденных в Поднепровье, в ареале славянского обитания, остатках поясных наборов, относящихся к VI-VIII вв., обнаружены двузубцы и трезубцы, причем часть трезубцев была оформлена в схематическом виде сдвоенноголовой птицы [10, с. 21–30]. Для I-III вв. известно использование двузубцев у сарматов, и в находившемся под их влиянием Боспорском царстве [10 ; 11]. С. В. Белецкий не видел связи между сарматско-боспорскими знаками и знаками Поднепровья [2, с. 458] но указал, что двузубцы использовались в граффити Хазарии VIII-IX вв. и допустил, что с титулом «хакан» русы заимствовали у хазар символ двузубца [2, с. 458]. Это интересно, но двузубцы-трезубцы Поднепровья древнее хазарских граффити.

По нашему мнению, славяно-русские двузубцы-трезубцы, как схема двуглавой птицы, и сама птица, тождественны древнейшим тюркским и сарматским изображениям: индоевропейцы-кочевники узурпировали ряд доиндоевропейских символов. В раннеземледельческую доиндоевропейскую эпоху (XII...III тыс. до Р.Х.) в рамках реконструированной А. Голаном «неолитической религии» и сформировался образ двуглавого существа [7, с. 132–139]. Его начальной стадией был декоративный мотив в виде пары розеток, свастик или крестов, обозначающих *двоичное солнце* (два полугодовых состояния солнца). Следующей стадией стал образ «двуликого бога» (первый рисунок известен в Трое до Троянской войны). Он был ипостасью солнечного божества, благодетелем людей, и нередко изображался двухголовым или двутелым. Отсюда выросла идея о *посланце божества*, который был крылатым, сохранил двоичность и стал символом монарха, который и был земным благодетелем: древнейшее изображение двуглавой птицы известно в шумерском городе Лагаше ок. 2550 г. до Р.Х. Реконструированы древнейшие представления о *троичности божества* [7, с. 141–148]. Трезубец отражал представление о троичности божества во

времени (прошлое, настоящее, будущее); древнейший символ известен в Малой Азии в VI тыс. до Р.Х. Это символ «Великой богини»/«Великой матери» неолита (у славян она известна как Макошь/Мокошь, важной ипостасью которой были *рожаницы*, изображавшиеся часто в виде *сдвоенной* (!) или двутелой женской фигуры), затем присущий мужскому божеству грозы. В новейшее время известен образ *трехглавого орла*, где средняя голова становится «невидимой» и ее замещает корона, помещаемая между двумя головами [9, с. 100–104]. Т.к. и в неолите двузубцы и трезубцы были взаимозаменяемы, представления о коронованном двуглавым орле явно выросли из приложения образа двуглавой птицы к фигуре земного монарха, обладающего сакральной властью, даруемой Царем Небесным.

Таким образом, учитывая текущее состояние источников, мы можем предложить рабочую гипотезу о том, что символ двуглавой птицы являлся принадлежностью правившей на Руси как минимум с VI в. доваряжской княжеской династии Нискиничей, т.е. не был заимствован с Востока, с Запада, или от варягов. Образ двуглавого орла в зооморфном виде остался символом перемышльско-галицкой ветви Нискиничей до XIII в. Поскольку этот образ был символом верховной власти, он в виде двузубца-трезубца был заимствован домонгольскими Рюриковичами. В явном виде образ двуглавого орла остался официальным гербом русской Перемышльской земли. Таким образом, можно полагать, что суть образа двуглавого орла была хорошо известна и московским Рюриковичам, которые использовали его в виде государственного русского герба в древнейшем качестве – как символа Божественного происхождения государственной (монархической) власти, не заимствуя ни символ, ни его смысл ниоткуда извне. Разумеется, ряд вопросов здесь нуждается в дополнительном изучении и обосновании, но в качестве рабочей наша гипотеза вполне может рассматриваться и теперь.

Список литературы

1. Артамонов, Ю. А. княжеская символика в архитектуре древнего Холма / Ю. А. Артамонов // Столичные и периферийные города Руси и

России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.) : тез. докл. Всерос. науч. конф., Москва, 3–5 декабря 1996 г. – Москва : ИРИ РАН, 1996. – С. 20–23.

2. Белецкий, С.В. Древнейшая геральдика Руси / С. В. Белецкий // Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова ; коммент. : А. Г. Бобров [и др.]. – Санкт-Петербург : Вита Нова, 2012. – С. 431–463.

3. Былины / [сост. В. И. Калугин]. – Москва : Современник, 1986. – 559 с.

4. Вагнер, Г. К. Архитектурный декор Руси X–XIII веков / Г. К. Вагнер, Е. В. Воробьева // Древняя Русь : быт и культура / отв. ред. : Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. – Москва : Наука, 1997. – С. 186–204.

5. Волощук, М. М. Terra Praemiziensi in regnum Hungariae в XIII веке : хронология проблемы / М. М. Волощук // Przemysł i ziemia Przemyska w strefie wpływów ruskich X – połowa XIV w. – Kraków : Historia Iagellonica, 2013. – С. 101–111.

6. Гайдуков, П.Г. Медные русские монеты конца XV–XVI веков / П. Г. Гайдуков. – Москва : Наука, 1993. – 63 с.

7. Голан, А. Миф и символ / Ариэль Голан. – Москва : Русслит, 1993. – 376 с.

8. Гулецкий, Д. В. Русские монеты 1353–1533 / Д. В. Гулецкий, К. М. Петрунин. – Минск : Рифтур, 2013. – 510 с.

9. Данилевский, И. Н. Сколько голов у двуглавого орла? / И. Н. Данилевский // Норна у источника Судьбы : сборник статей / ред. : Т. Н. Джексон [и др.]. – Москва : Индрик, 2001. – С. 95–105.

10. Драчук, В. С. Рассказывает геральдика / В. С. Драчук. – Москва : Наука, 1977. – 256 с.

11. Драчук, В. С. Системы знаков Северного Причерноморья (тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры) / В. С. Драчук. – Киев : Наукова думка, 1975. – 224 с.

12. Зайцев, А. К. Черниговское княжество X–XIII вв.: избр. труды / А. К. Зайцев. – Москва : Квадрига, 2009. – 237 с.

13. Зайцев, В. В. Материалы по русской нумизматике XV века / В. В. Зайцев. – Киев : Юнона-монета, 2004. – 143 с.
14. Зайцев, В. В. Редкие и неизданные медные русские монеты XIV-XV вв. / В. В. Зайцев // Средневековая нумизматика Восточной Европы : [сборник]. Вып. 3 / отв. ред. В. В. Зайцев. – Москва : Древлехранилище, 2009. – С. 33-60.
15. Иловайский, Д. И. Даниил Романович Галицкий и начало Холма / Д. И. Иловайский // Памятники русской старины в западных губерниях : [альбом]. Вып. 7 / изд. П. Н. Батюшков. – Санкт-Петербург : Тип. тов-ва «Общественная польза», 1885. – С. 1–12.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись / ред. А. А. Шахматов. – Репр. воспроизведение второго изд. 1908 г. – Москва : Восточ. лит., 1962. – XVI, 938, 87, IV с.
17. Исхаков, Д. М. «Дом Чингиз-хана» (Алтын Урук) : клановая принадлежность и ее атрибуты / Д. М. Исхаков // Этнологические исследования в Татарстане : материалы конф. – Казань : Ин-т истории АН РТ, 2007. – С. 18–27.
18. Клюг, Э. Княжество Тверское (1247-1485 гг.) / Э. Клюг. – Тверь : РИФ Лтд., 1994. 432 с.
19. Крип'якевич, І. Галицько-Волинське князівство / Іван Крип'якевич. – Львів : Світ, 1999. – 176 с.
20. Лебедев, В. П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (сер. XIII – нач. XV в.) / В. П. Лебедев // Вестник Одесского музея нумизматики. – 2000. – Вып. 2. – С. 12-34.
21. Майоров, А. В. Русь, Византия и Западная Европа : из истории внешнеполитических и культурных связей XII-XIII вв. / А. В. Майоров. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2011. – 801 с.
22. Мельникова, Е. А. «Знаки Рюриковичей» на восточных монетах / Е. А. Мельникова // Історія Русі – Україні : історико-археологічний збірник / ред. О. П. Моця. – Київ: Ін-т археології НАНУ, 1998. – С. 172-181.
23. Ниче, П. Москва – третий Рим? / П. Ниче // Спорные вопросы отечественной истории XI-XVIII веков. В 2 т. Т. 2. / отв. ред. : Ю. Н.

Афанасьев, А. П. Новосельцев. – Москва : Ин-т истории АН СССР, 1990. – С. 203–205.

24. Новиков, Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки / Н. В. Новиков. – Ленинград : Наука, 1974. – 255 с.

25. Однороженко, О. А. Руські королівські, господарські та князівські печатки XIII-XVI ст. / Олег Однороженко. – Харків: Ін-т археології НАНУ, 2009. – 319, [1] с.

26. Орешников, А. В. Древнейшее русское изображение двуглавого орла / А. В. Орешников // Труды Московского нумизмат. общества. – Москва : [б. и.], 1899. – Т. 2, вып. 1. – С. 12-14.

27. Орешников, А. В. Русские монеты до 1547 года / А. В. Орешников. – Москва : Тип. А. И. Мамонтова, 1896. – 272 с.

28. Панасенко, С. П. Появление двуглавого орла в России, Византии и Германии / С. П. Панасенко // Гербовед. – 2005. – № 84 (6). – С. 9–61.

29. Петрушевич, А. С. О городе Галиче за Луквою / А. С. Петрушевич // Вестник Народного дома. – 1887. Ч. 53.

30. Поппэ, А. Феофана Новгородская / А. Поппэ // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16) / РАН, Ин-т Рос. истории ; ред. В. Л. Янин. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1997. – С. 102-120.

31. Пшик, В. Про перебування візантійського імператора Олексія III Ангела на галицько-волинських землях / В. Пшик // Республіканець. – 1994. – № 3/4 (11/12). – С. 53-55.

32. Рыбаков, Б. А. Древности Чернигова / Б. А. Рыбаков // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1 / ред. Н. Н. Воронин. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1949. – С. 7–102. – (Материалы и исследования по археологии СССР ; вып. 11).

33. Рыбаков, Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи / Б. А. Рыбаков. – Москва : АН СССР, 1963. – 362 с.

34. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – Москва : Наука, 1987. – 783 с.

35. Рыдзевская, Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX-XIV вв. / Е. А. Рыдзевская. – Москва : Наука, 1978. – 240 с.

36. Савва, В. И. Московские цари и византийские василевсы : к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских Государей / В. И. Савва. – Харьков: Тип. М. Зильберберг, 1901. – 400 с.
37. Силаев, А. Г. Истоки русской геральдики / А. Г. Силаев. – Москва : Фаир-Пресс, 2002. – 240 с.
38. Соболева, Н. А. Русские печати / Н. А. Соболева. – Москва : Наука, 1991. – 259 с.
39. Софроненко, К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI-XIII вв. / К. А. Софроненко. – Москва : Юрид. лит., 1955. – 140 с.
40. Таланин, В. И. Древнерусская доваряжская аристократия X-XVI вв. и её потомки : генеалогическое исследование / В. И. Таланин. – Запорожье : ЗНУ, 2015. – 168 с.
41. Таланин, В. И. Русская и русско-венгерская знать X-XV вв. : историко-генеалогическое исследование / В. И. Таланин. – Запорожье : ЗНУ, 2016. – 226 с.
42. Таланин, В. И. У истоков Руси. Очерки истории IX-XI вв. / В. И. Таланин. – Запорожье: ЗГИА, 2001. – 345 с.
43. Хорошкевич, А. Л. Символы русской государственности / А. Л. Хорошкевич. – Москва : МГУ, 1993. – 96 с.
44. Хромов, К. К. Монеты западной части улуса Джучи. Ч. 1. / К. К. Хромов // Восточная нумизматика в Украине : сборник / ред. К. К. Хромов. – Киев : Купола, 2007. – С. 4-54.
45. Щавелев, А. С. Известие Ипатьевской летописи о Чёрной могиле : к вопросу об имени погребенного князя / А. С. Щавелев // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи : збірник наукових праць. – Чернігів: Деснянська правда, 2007. – С. 100-106.
46. Юсупович, А. Роман Мстиславич, «игемон» русский : рец. на книгу А. В. Майорова «Русь, Византия и Западная Европа» / А. Юсупович // Средневековая Русь : [сб. ст.]. Вып. 11 / РАН, Ин-т рос. истории, Ин-т

всеобщей истории ; отв. ред. А. А. Горский. – Москва : Индрик, 2014. – С. 401-411.

47. Alef, G. The adoption of the muscovite two-handed eagle : a discordant view / G. Alef // *Speculum*. – 1966. – Vol. 41. – P. 1–21.

48. Dlugosz, J. *Opera omnia*. Т. 13 / Joannis Dlugosz. – Cracoviae: Typ. «Czas», 1877. – 733 s.

49. Fennell, J. L. I. *Ivan the Great of Moscow* / John Fennell. – London : MacMillan, 1961. – 386 p.

50. Gaier, A. *Herrschaftssymbole und fahnen im hoch- und spätmittelalterlichen Imperium : die herausbildung unserer heutigen staatsymbolik im Mittelalter* / A. Gaier. – Hamburg : Diplomica Verlag GmbH, 2013. – 88 s.

51. Maiorov, A. V. The imperial purple of the Galician-Volynian princes / Alexander Maiorov // *Русин*. – 2014. – № 2 (36). – С. 147–161.

52. Oberländer-Târnoveanu, E. *Byzantino-Tartarica – le monnayage dans la zone des bouches du Danube a la fin du XIII c. et au commencement du XIV c. siècle* / E. Oberländer-Târnoveanu // *Il Mar Nero*. – Vol. 2. – Roma ; Paris, 1995/1996. – P. 191-214.

53. Oberländer-Târnoveanu, E. *Numismatical contributions to the history of South-Eastern Europe at the end of the 13th century* / E. Oberländer-Târnoveanu // *Revue Roumaine d'Histoire*. – 1987. – Vol. 26. – P. 245-258.

54. Obolensky, D. *Russia's Byzantine heritage* / Dimitri Obolensky // *Readings in Russian history*. – 1962. – Vol. 1. – P. 102-103.

55. Peker, U. The origins of the Seljukid double-headed eagle as a cosmological symbol / U. Peker // *10th International congress of Turkish art*. – Geneva: Fond. Max van Berchem, 1999. – P. 559-566.

56. Solovjev, A. *Les emblems heraldiques de Byzance et des Slaves* / A. Solovjev // *Seminarium Kondakovianum*. N. 7. – Praha : Institut Kondakov, 1935 – P. 119-164.

57. Von Volborth, C.-A. *The Art of Heraldry* / Carl-Alexander von Volborth. – Poole ; Dorset : Blandford Press, 1987. – 224 p.